

Линь Цянь потом не раз задавалась вопросом: с какого перепугу на прошлом дне рождения Шэнь Яня её так переклинило, что она вывалила ему признание в любви?

Не то чтобы она пылала к нему безумной страстью. Они ведь даже в одном классе никогда не учились и толком не общались — знала она его лишь постольку-поскольку.

Вся её так называемая «влюблённость» свелась к банальному всплеску гормонов в один из теплых майских дней.

День выдался самый обыкновенный. Линь Цянь шла с подругой по Задней улице и случайно задела какого-то мужика, шагавшего против хода движения. Дядька оказался из категории «не влезай — убьёт»: шириной с двух Линь Цянь, свирепый и орущий. Он так рывкнул на девчонок, что у тех слезы из глаз брызнули.

И когда дело уже шло к тому, что их силой заставят платить «компенсацию», Шэнь Янь возник буквально из воздуха. Он схватил Линь Цянь за рукав школьной олимпийки, увлекая себе за спину.

И тут же отпустил — никакого лишнего касания или фамильярности. Просто упёрся ладонью в плечо здоровяка, слегка оттолкнул его и небрежно бросил:

— Любезный, ты бы глаза разупил да глянул, по той ли стороне прёшь.

Парень был высоким и поджарым. Сквозь тонкую ткань белой футболки отчетливо проступал разворот плеч, а в ленивом прищуре читалась врождённая, ничем не прикрытая дерзость.

Линь Цянь тогда просто опешила. Она даже не запомнила, как тот хам поджал хвост и свалил. В памяти отпечаталось лишь то, как Шэнь Янь обернулся к ним и усмехнулся:

— Всё, проехали. В следующий раз встречайте таких персонажей зубами вперёд.

У Шэнь Яня были невероятно красивый разрез глаз и искренняя улыбка, а майское солнце так удачно подсветило его фигуру на фоне цветущих роз, что девичье сердце детонатором сработало на «бум».

Спустя три месяца, на дне рождения Шэнь Яня, поддавшись на подначки подруг, она призналась ему.

Получила отворот-поворот.

И на этом история закончилась.

Едва адреналиновый туман рассеялся, Линь Цянь осознала: никакой любви не было. Обычная реакция на красивую обертку и благодарность за защиту.

И всё же Шэнь Янь остался для неё кем-то вроде божества.

Как бы паршиво он ни учился, половина девчонок старшей школы сохла по нему именно за этот образ: дерзкий, высокомерный, срывной, но чертовски правильный и безумно красивый школьный бунтарь.

По крайней мере, Линь Цянь свято верила в этот образ до вчерашнего дня.

Но как этот недостижимый нахальный бунтарь рядом с Цинь Цигуем превращался в совершенно другого человека?!

Не сказать чтобы это смотрелось плохо, но... постоянное детсадовское препирательство, перепалки — и при этом абсолютное, беспрекословное послушание! Шэнь Янь рядом с ним становился ребенком, искренним и беззащитным. А недоступный ледяной гений Цинь Цигуй потакал ему абсолютно во всём.

В их отношениях существовала особая, закрытая от внешнего мира химия. Ничего общего с легендами об их лютой вражде и взаимной ненависти.

С чего бы им вдруг стать такими шелковыми друг с другом?

Линь Цянь вспомнила долетавшие из туалета фразы: «Брат Цигуй», «Я что, недостаточно старался?», «Что скажешь, то и сделаю», «Самый длинноногий и подтянутый мужчина», «Кто в тебя не влюбился — тот слепец», а еще свежее «Раз уж ты так любишь»... От этих воспоминаний кожа на голове натягивалась от ужаса.

Так, стоп. Об этом лучше не думать. Чем больше знаешь, тем ближе печальный финал злодейки из романа. Ей лучше оставаться красивой и невовлечённой декорацией.

Оставалось надеяться, что эти двое хотя бы прилюдно снизят градус откровений, иначе её розовая термкружка опять полетит на пол.

Натянув на лицо вежливую улыбку, Линь Цянь подняла пострадавший стакан, села на место и незаметно отодвинула стул подальше от Шэнь Яня.

Тот прищурился, разглядывая её физиономию:

— У тебя к нам какие-то претензии?

— Никаких-никаких! — замахала руками Линь Цянь. — Просто радуюсь: блудный сын вернулся, за учебу взялся... Моё почтение! Расти большим, осваивай гранит науки!

Шэнь Янь с недоумением повернулся к Цинь Цзигую:

— У вас в первом классе все такие повернутые?!

—... — Цинь Цзигуй лишь молча посмотрел на него.

«Как можно быть настолько непрошибаемым натуралом?»

Он смутно догадывался, какой рой мыслей крутится в голове Линь Цянь, но вдаваться в объяснения не видел смысла. Шэнь Янь всё равно ничего не поймёт.

Цинь Цзигуй просто проигнорировал тему и уткнулся в тетрадь:

— Сначала разбираешь этот блок. Потом решаешь задачи из сборника. Закончишь — отдашь мне на проверку. Разберём каждую ошибку, и только потом перейдём к следующей теме.

Шэнь Янь мгновенно переключил внимание. Поглядев на задачник, он тоскливо перелистал страницы.

Вид бесконечных $f(x)$ и удушающих уравнений вызвал у него приступ тошноты.

— Брат Цинь, а если я сейчас пойду и поклонюсь Хорьку в ножки, поздно будет?

Когда он звал его «братом Цинем», это почти всегда означало включение режима капризного дурака.

— Брат Цинь тебе ответит: поздно, — безжалостно отрезал Цинь Цзигуй.

И действительно, отступать было некуда. Дело давно вышло за рамки обычного наказания. Позиции Цинь Цзигуя и Декана Хуана столкнулись лоб в лоб, и теперь требовалось доказательство — чья методика возьмет верх.

Раз уж Шэнь Янь признал Цинь Цзигуя «своим человеком», придётся поддержать его авторитет.

— Ладно-ладно, чего не сделаешь ради любимого брата.

Со вздохом Шэнь Янь развернулся и уселся за стол, готовясь к пытке.

Но едва его подбородок коснулся столешницы, как в спину прилетел лёгкий щелчок:

— Сядь нормально. Сгорбишься — расти перестанешь.

— Да боже мой! Я же утром молоко пил! — проворчал Шэнь Янь, неохотно выпрямляясь.

— Молоко ещё есть, на большой перемене допьёшь, — Цинь Цзигуй уже открыл собственный сборник для олимпиадников.

Шэнь Янь косо глянул на него:

— А булочку взял?

— Взял.

— С чем?

— С черникой.

— Отдай.

— решишь задачу — дам.

— Ладно. Объясни вот этот момент.

— Поставил ручку. Не грызи колпачок.

Линь Цянь, наблюдая эту сцену со стороны, окончательно выпала в осадок.

«Это точно разговор между суровым школьным авторитетом и холодным гением? Почему у меня ощущение, что я попала в младшую группу детского сада?»

Так или иначе, восстанавливать пробелы Шэнь Яню приходилось с самых основ, и львиная доля времени уходила на сухую математику. До флагманских ухаживаний дело не доходило, так что мозг Линь Цянь пока оставался в относительной безопасности.

Преподаватели-предметники — будь то филолог, англичанка или физик — смотрели на усердное погружение Шэнь Яня в математику сквозь пальцы.

Идёт выпускной класс, время повторения. Ученики первого класса давно выработали индивидуальный темп работы.

К тому же все прекрасно понимали: барчук из шестого класса переведен сюда исключительно по просьбе его влиятельной матери. Главное — чтобы парень не устроил очередную драку и не сорвал дисциплину.

В конце концов, у парней с таким бэкграундом жизнь и без золотой медали сложится лучше, чем у большинства. Зачем лезть на рожон?

Как говаривал Декан Хуан: «Грязь к стене не прилипнет».

И большинство учителей с этим соглашались. Все ждали, что запала Шэнь Яня хватит максимум на три дня.

Но Цинь Цзигуй знал его с детства: если Шэнь Янь за что-то брался не из-под палки, а по собственному решению, он грыз землю до победного.

Парня тошнило от формул, но раз он дал обещание — никаких игр в телефоне. Он зарылся в конспекты и задачки.

Если застревал, Цинь Цзигуй на пальцах раскладывал ему ход мысли. Шэнь Янь схватывал на лету, фиксировал суть и двигался дальше. Никакого сна на уроках, никаких соцсетей. К вечеру пятницы базовая программа первого круга была полностью усвоена.

Но в Шивай простые задачки на экзаменах не встречались. Чтобы гарантировать проходной балл, требовалось пахать дальше.

После уроков Шэнь Янь обессиленно рухнул на стол в закуской на Задней улице.

— Цинь Цзигуй, глянь на меня.

Цинь Цзигуй взъерошил его густую шевелюру:

— Ну, глянул. Что там?

— Волосы ещё на месте? — прошептал Шэнь Янь угасающим голосом.

Цинь Цзигуй едва заметно улыбнулся и подыграл:

— Хм, кажется, поредели.

— Ну вот! Я же говорил! Красивым людям противопоказана математика! — Шэнь Янь резко сел, брякнув ладонью по столешнице.

— Хочешь сказать, я не красивый? — хмыкнул Цинь Цзигуй.

Шэнь Янь смерил взглядом его пышную, идеальную шевелюру:

— Ты птица, у вас перьев по природе больше. Не сравнивай себя с людьми.

С этими словами он снова уткнулся носом в стол, пытаясь раскусить очередное тригонометрическое уравнение.

Видя, как тот вымотался, Цинь Цзигуй не стал требовать идеальной осанки.

— В соседнем доме открылась «Сича». Что тебе взять? Я сбегая в очередь.

— «Клубнику с чеддером». Двойной сыр, не смешивать.

— Понял.

Летом перерыв перед вечерними занятиями длинный, а кондиционеры в общепите работают лучше, чем в классах, поэтому в закускойной собралась куча народа.

Выходя, Цинь Цзигуй столкнулся в дверях с Чжу Пэном и Го Ю.

Парни не видели Шэнь Яня с самого момента его перевода в первый класс — тот отклонял даже призывы покатать в катки. И вот они входят и видят: их босс лежит на столе, грызёт колпачок и... решает математику.

Оба застыли как вкопанные.

— Го Ю, мне мерещится?

— Если тебе мерещится то же, что и мне, значит, мы оба сошли с ума.

— Это точно наш брат Янь?

— Такой красавчик в нашей школе один.

— Но с каких пор наш брат Янь ботанит в кафешке?!

— Только если его семья не вылетела в трубу.

— Его что, бесы попутали?!

После короткой паузы Чжу Пэн, решив, что разгадка найдена, выхватил корн-дог словно боевой шест, крутанул его в воздухе и встал в позу:

— Изыди, нечистая! Верни душу брата Яня!

Шэнь Янь медленно поднял тяжелые веки:

— Ты совсем сбрендил?

Чжу Пэн так и замер с корн-догом наперевес.

Интонация, взгляд — родной брат Янь, сомнений нет.

Но какого черта он учится?!

— Вы про спор Цинь Цзигуя с Хорьком не слышали, что ли? — вздохнул Шэнь Янь, возвращаясь к тестам.

— Слышали, конечно, — Го Ю бросил рюкзак на соседний стул. — Но при чём тут ты? Если ты свалишь математику, Цинь Цзигуй будет переписывать варианты и писать объяснительные. Тебе-то что за печаль?

Еще два дня назад Шэнь Янь рассуждал бы точно так же. Но расклад изменился.

Объяснять свои новые отношения с Цинь Цзигуем было лень, поэтому он просто ткнул пальцем в тетрадь:

— Вот это. Почему тут получается вот это? В чём логика?

— А? — Го Ю, учившийся в шестом классе весьма неплохо, вытянул шею. — А, так это же стандартная формула приведения! Ну, делаешь вот так, потом вот этак — и готово!

По мнению Го Ю, он объяснил максимально доходчиво.

Шэнь Янь поднял на него тяжелый, убийственный взгляд.

— Брат Янь, я не стебусь! — замахал руками Го Ю. — Реально, делаешь вот так, потом вот этак...

Шэнь Янь молча смотрел на него три секунды, после чего уткнулся обратно в лист:

— Ясно. От тебя толку как от козла молока. Дождусь Цинь Цзигуя.

Го Ю опешил:

«Ну спасибо, списали со счетов... С глаз долой — из сердца вон, да?»

Впрочем, сложность задачи действительно впечатляла — Шэнь Янь за два дня дошёл до продвинутого уровня. Мозги у него всегда варили как надо.

— Брат Янь, раз у тебя так круто идет, почему ты раньше-то хер пинал? Не доводил бы Хорька до белого каления.

— Я не пытался его злить, — невпопад ответил Шэнь Янь. — Просто не вижу смысла тратить время на эту муть.

Он не собирался в науку или медицину, так зачем ему тригонометрия, законы Ньютона или генные мутации? В жизни не пригодится.

Го Ю даже не нашёлся, что возразить, кроме избитого:

— Ну... знания меняют судьбу?

— Меня моя судьба более чем устраивает, — отрезал Шэнь Янь. — Зачем её менять?

Го Ю и Чжу Пэн лишились дара речи.

В Шивай учились дети небедных родителей, но Шэнь Янь стоял на особой ступени: дедушка с бабушкой — заслуженные госслужащие на пенсии, мать — почетный член совета школы,

семейный бизнес цвёл и пах. От парня требовали одного — быть честным, здоровым и счастливым.

Ему реально незачем было менять свою судьбу.

И тут из угла донеслось язвительное хмыканье:

— Да уж, удачно родиться — это тоже искусство. Нам, чтобы попасть в Шивай, пришлось на экзаменах жилы рвать, а кто-то за счет мамочкиных связей заходит с ноги, набирает триста баллов и усаживается в первый класс. Вот уж точно — судьба!

Шэнь Яня даже называть не потребовалось — всё было сказано предельно прозрачно.

Чжу Пэн и Го Ю мгновенно обернулись:

— Фу Юнь, ты чего из угла желчью брызжешь?

— Что, правду-матку уже и сказать нельзя? — Фу Юнь помнил, как Шэнь Янь прижал его за грудки в туалете, но сейчас вокруг было полно народу, и он рассчитывал на безнаказанность.

Шэнь Янь даже головы не поднял от формул:

— Ты прав, удачно родиться — тоже умение. Завидуешь — скажи прямо, я у мамы спрошу, не нужен ли ей еще один внучок.

— Шэнь Янь, ты... — Фу Юнь вспыхнул, вскочил, намереваясь выдать порцию отборной ругани, но вдруг замер, словно вспомнив нечто важное.

Он медленно опустился на место и с ядовитой ухмылкой произнес:

— А что я такого сказал? Я же без имён. Наш брат Янь ведь по спортивной квоте проходил, как спортсмен второго национального разряда. Какое уж тут блатничество?

Пальцы Шэнь Яня, сжимавшие ручку, на мгновение замерли.

Заметив это, Фу Юнь распалился ещё сильнее:

— Кстати! Брат И на днях взял серебро на межпровинциальных соревнованиях. Вечером собирает всех в ресторане. Шэнь Янь, ты придешь?

При имени «Сюэ И» грифель ручки пробил бумагу, оставив жирную чёрную точку.

Фу Юнь наигранно всплеснул руками:

— Ах да! Забыл! Сюэ И тебя не звал. Наверное, бережёт твои нежные чувства. Вы ведь в средней школе считались «двойной звездой» школьной сборной Шивай. И где теперь Сюэ И? Берёт серебро на регионах. А где наш брат Янь? Пытается наскрести хотя бы тройку по математике. Позорище!

В углу Фу Юня кто-то негромко прыснул.

— У каждого свои таланты, — продолжал глумиться Фу Юнь. — Правда, у кого-то талант один — удачно выскочить из нужной пинг-понг матки. Но с такой мамочкой и Цинь Цзигуем на подхвате — чего бояться?

— Это точно. Нам такое не светит. Хорошо, что Сюэ И пробился сам, без мамочек, и попал в городскую сборную.

Гадкие, ядовитые слова подло били по самому больному.

Го Ю не выдержал:

— Да пошёл ты! Взял серебро на школьном турнире — и уже чемпион мира?! В средней школе Шэнь Янь из золота не вылезал, а ваш Сюэ И вечно за его спиной плелся! Он нашему боссу даже в подметки не годится!

Чжу Пэн поддержал:

— Вот именно! Шэнь Янь просто остыл к стрельбе! А по чистому таланту твой Сюэ И ему даже завязки на кроссовках поправлять не достоин!

— Остыл? Или просто пролетел мимо городской сборной, а? — хмыкнул Фу Юнь. — Раз такие умные — слабо выкатить дуэль на выходных?

Фу Юнь сболтнул это не думая, но Шэнь Янь вдруг щелкнул колпачком ручки, поднял глаза и спокойно произнес:

— Идет. Забываемся. Если Сюэ И не струсит.

Фу Юнь осекся.

Шэнь Янь откинулся на спинку стула, крутя ручку в пальцах:

— Впрочем, если сдуется — я не удивлюсь. Он мне еще ни разу в жизни не выигрывал.

Когда Шэнь Янь занимался стрельбой, Сюэ И действительно всегда был вторым.

Но сейчас Сюэ И состоял в сборной города — а это прямой трамплин в сборную провинции.

Раньше все прочили Шэнь Яню великое будущее. Он собирал все золотые медали с начальной школы. Но на отборочных в девятом классе неожиданно провалился, и место в сборной ушло Сюэ И.

Шэнь Янь упустил возраст, мать была против спортивной карьеры, и парень ушел из районной сборной, оставшись любителем.

— Струсит? Сюэ И?! — Фу Юнь вытащил телефон. — Я сейчас ему наберу!

Го Ю тут же вцепился в рукав Шэнь Яня:

— Брат Янь, ты с ума сошел?!

— Сюэ И сейчас действующий профи! Зачем тебе это? — зашептал Чжу Пэн.

Шэнь Янь смотрел на мозоль на указательном пальце правой руки — след от тысяч спусков.

— Низачем, — тихо ответил он. — Просто хочу понять... реально ли я никчёмный мусор?

В его глазах, обычно искрящихся дерзостью, проскользнула глубокая, застарелая боль.

Парни осеклись и замерли. Они никогда не видели его таким.

Фу Юнь тем временем вернулся с телефоном:

— Брат И согласен. Но сначала хочет знать, за что ты его заблокировал. И предлагает завтра вместе пообедать.

Шэнь Янь нахмурился. Заблокировал? Когда?

Он протянул руку за телефоном, из динамика уже донеслось: «А-Янь...», но тут чья-то длинная,

бледная рука перехватила трубку прямо у его лица.

Шэнь Янь поднял глаза.

За его спиной стоял Цинь Цзигуй. Взгляд ледяной, губы сжаты в тонкую линию.

— Это я, Цинь Цзигуй, — произнёс он в трубку тоном, от которого замерло всё кафе. — Площадку забронирую я. Обедать с тобой никто не будет. Насчёт причин скажу за него: причин нет. И ещё...

Цинь Цзигуй сделал паузу:

— Не смей называть его А-Янь. Меня от этого тошнит.

<http://bllate.org/book/20611/2149277>